

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК 349.2

Общественное обсуждение фабрично-заводского законодательства Российской империи

Н. В. Демидов

Томский государственный университет,
Российская Федерация, 634050, Томск, пр. Ленина, 36

Для цитирования: Демидов, Николай В. 2025. «Общественное обсуждение фабрично-заводского законодательства Российской империи.» *Ежегодник трудового права* 15: 8–19.
<https://doi.org/10.21638/spbu32.2025.101>

В XVIII — начале XX в. в Российской империи происходило становление и развитие фабрично-заводского (фабричного, рабочего) законодательства, прообраза современного трудового права. Важным юридико-социальным фактором, влияющим на нормотворческий процесс, выступало общественное осмысление данного явления. Его современное изучение позволяет сформировать представление о восприятии норм о труде их непосредственными адресатами, исследовать обратную связь в механизме правового регулирования общественных отношений. Методологически постановка темы реализует социологический подход на материале истории трудового права. Общей последовательностью исторического развития полемики о регламентации наемного труда было постепенное обретение ею моральной легитимности, публичности, плюрализма. Первое означало допущение в массовом сознании самой возможности обсуждать меры правительства в области труда. Под публичностью понимается укоренение практики гласного высказывания. Плюрализм предполагал разнонаправленность мнений, уход от лоялистского комплиментарного дискурса XVIII и первой половины XIX в. в пользу структурирования полемики. По содержанию дискуссия о юридизации трудовых отношений состояла из двух больших направлений: политико-философского и юридико-технического. Первое охватывало обсуждение концептуальных вопросов: меры необходимости фабричного законодательства, допустимость вмешательства государства в трудовые отношения, соотношения прав и интересов работника и работодателя. Внутри политико-философского дискурса выделялись консервативное, прогрессистское и социалистическое течения. Консерваторы отстаивали идею доминирования нанимателя над работником и отказа от равенства их интересов, прогрессисты развивали мысль об архаичности патриархальной модели и необходимости социально-компромиссного рабочего законодательства, социалисты постули-

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2025

ровали невозможность сколько-нибудь приемлемого регулирования труда в условиях монархии и капитализма. Юридико-техническое направление содержало разбор конкретных норм права и проблем их реализации, критику пробелов, предложения по совершенствованию фабрично-заводского законодательства и образовывало, по сути, начала науки трудового права России.

Ключевые слова: фабричное законодательство, фабрично-заводское законодательство, история трудового права, социология трудового права, Российская империя, рабочий вопрос.

1. Введение

Ранние акты отечественного фабрично-заводского (рабочего, фабричного, в современной терминологии — трудового) законодательства принимались на протяжении XVIII в. Это обуславливалось рядом обстоятельств, среди которых базовыми стали зарождение промышленного производства и слоя занятых в нем вольнонаемных рабочих. В XIX в. процесс объективации юридических норм о труде все более расширялся и качественно совершенствовался.

Новый феномен российской жизни не мог не вызвать общественного отклика. Обсуждение велось на разных уровнях — повседневном, публицистическом, научном, высшем государственном. При этом в разные периоды истории Российской империи существовали самобытные условия и возможности для формирования соответствующего дискурса. Факторами, которые способствовали такой полемике или, напротив, сдерживали ее, выступали идеология, текущая направленность внутренней политики, свойства личности монарха, внешнеполитическая повестка, состояние экономики, обострение или спад социальных конфликтов.

2. Основное исследование

Общей закономерностью эволюции общественного обсуждения законодательства о наемном труде в XVIII — начале XX в. было последовательное и постепенное обретение ею трех качеств: моральной легитимности, публичности, плюрализма.

Моральная легитимность. Первоочередным стало утверждение самого неписаного права подданных судить о деяниях власти, а не только следовать изъявлениям воли монарха. Для общественной жизни XVIII в. характерны властные запреты на попытки высказать критические суждения о социальном укладе. Таковы, например, репрессивные меры, предпринятые в правление Екатерины II в отношении Н. И. Новикова и А. Н. Радищева. Для изучения социально-экономической жизни требовалось формирование гражданской мысли, переход от прежнего архаического бездумного принятия режима. Выразителем социальной рефлексии могла служить военно-служилая и гражданская аристократия. Применительно к XVIII и первой половине XIX в. рефлексия на политику в области наемного труда могла сформироваться лишь в среде дворянства и обслуживающего его разночинства. Иные слои населения не обладали необходимыми ресурсами свободного времени, информации, образования. На протяжении XVIII и XIX вв. аристократия избывала установку на беспрекословное служение короне, сформированную еще в допетровскую эпоху. Отображение этого процесса можно наблюдать как в развитии скеп-

тической публицистики, так и в пародийных образах сочинений М. И. Веревкина, Д. И. Фонвизина, А. С. Грибоедова, Н. В. Гоголя. На фоне предлагавшегося официальной идеологией нерассуждающего патриотизма исключениями представляли аналитические работы М. М. Щербатова, В. В. Капниста, А. Н. Радищева, Н. И. Новикова, Я. Б. Княжнина. Моральная легитимация экономической и политической мысли происходила на всем протяжении XIX в. и стала первым условием осмысления как самой необходимости рабочего законодательства, так и его содержания.

Публичность. По представлениям XVIII и первой половины XIX в., открытая критика социально-экономического строя не допускалась. В XVIII в. право на обобщающее высказывание в масштабах страны принадлежало лишь верховной власти. Не случайно, заняв в 1881 г. должность министра финансов и имея целью разработку фабричного законодательства, Н. Х. Бунге не обнаружил в библиотеках Санкт-Петербурга исследований по рабочему вопросу. В правление Александра I спор на тему разрешения рабочего вопроса и версий развития фабричного законодательства постепенно выходил из рамок частных разговоров на уровень печати. Это вполне отвечало общей логике развития отечественной и мировой государственности, лишавшейся качеств закрытого аппарата управления. С середины XIX в. ограничения в сфере социального анализа еще более ослабевали. Развивалась общественно-политическая журналистика и публицистика, возникало политическое партийное движение, получила стимул экономическая, статистическая, юридическая наука, воспринимались зарубежные наработки. Общий контекст активизации социальной рефлексии распространялся и на нормы о наемном труде.

Плюрализм. Вслед за усвоением свойств публичности полемика о фабричном законодательстве утрачивала единообразие содержания. Исторически первыми получили дозволение лояльные прогосударственные суждения образца публикации П. Веретенникова 1841 г. в журнале «Москвитянин» (цитируется ниже). Со временем среди них стали встречаться отдельные альтернативные суждения, и к эпохе александровских реформ сдержат скептическую мысль оказалось уже невозможным. В 1880–1890-е годы даже охранительные проправительственные издания сродни «Московским ведомостям» решались осуждать трудовую политику правительства — правда, с позиций ее избыточного либерализма. Наконец, в последней четверти XIX в. сформировались радикальные, вплоть до революционных, точки зрения на регламентацию наемного труда. В этих трех направлениях — лоялизм, реформизм и радикализм — проявится разнонаправленность взглядов по рабочему законодательству России.

По своему содержанию дискуссия о юридизации трудовых отношений состояла из двух больших направлений: политико-философского и юридико-технического. Первое было скорее идейным, чем правовым, и включало обсуждение концептуальных вопросов: роли государства в сфере труда, соотношения прав и интересов работника и работодателя, необходимости или деструктивности фабричного законодательства. Внутри политико-философского дискурса выделялись консервативное, прогрессистское и социалистическое течения. Юридико-техническое направление обсуждения исходило из бесспорной необходимости фабрично-заводского законодательства и содержало разбор проблем правореализации, критику отдельных юридических предписаний, предложения по их совершенствованию.

Консервативное направление в обсуждении фабрично-заводского законодательства было представлено преобладающей частью предпринимательских кругов, политических деятелей, монархами и членами императорских семей. Оно отвергало идею равенства прав работника и работодателя, предпочитало идее компромисса модель опеки предпринимателя над работником. Отстаивалась идея патерналистской конструкции трудового отношения с моральным и юридическим верховенством нанимателя, «хозяина». По справедливому замечанию И. М. Пушкаревой, «основной массе предпринимателей и в 1905 г. было удобнее разделять с властью патернализм в отношении к рабочим, опереться на нее, “спрятаться за спину” самодержавия в критические ситуации во время производственных конфликтов. Российский предприниматель в массе своей не только не желал, но и не умел идти на компромисс в силу недостатка опыта» (Пушкарева 2005, 30).

Рабочий вопрос, то есть социальный конфликт по поводу положения промышленных трудящихся, еще на рубеже XIX–XX вв. либо объявлялся надуманным, либо в корне отличным от зарубежного опыта: «...т. н. рабочий вопрос, пока не существующий в России» (Безобразов 1888, 115). Монархическая пресса на разные лады настаивала: «...в России рабочего вопроса в “европейском смысле” не существует» (Мещерский 1902), «...рабочие... вполне преданы пекущейся о них власти и составят опору порядка...» (Наш рабочий вопрос 1902), «...свой особый, истинно русский фабричный вопрос» (Успенский 1902). Продолжалась традиция эпохи Николая I превозносить благополучие отечественных рабочих: «Фабрики у нас способствуют только благосостоянию народному, доставляя средства приобретать деньги для удовлетворения необходимых нужд... Наши фабричные мастеровые ведут себя не только удовлетворительно, но даже хорошо... Кому не случилось слышать, проезжая мимо фабрик, какими веселыми песнями сопровождается работа наших фабричных. Можно ли где-нибудь, кроме святой Руси, иметь рабочему средства, кроме лучшего хлеба и каши гречневой, употребить в день два фунта говядины? (!!!)» (Веретенников 1841, 213).

М. С. Балабанов цитировал промышленников братьев А. И. Хлудова и Г. И. Хлудова: «Дети, лишаясь заработка на фабриках, не принесут родителям никакого материального пособия, будут пребывать в вредной для их возраста праздности и расстроят свое здоровье, находясь, вместо светлого и здорового помещения фабрики, в душной атмосфере своей избы» (Балабанов 1926, 228). Депутат Государственной Думы, секретарь комиссии о торговле и промышленности, председатель комиссии по рабочему вопросу, директор мануфактуры барон Е. Е. Тизенгаузен в 1909 г. заявлял о рабочем законодательстве: «...законы эти служат источником нравственного падения масс, они развращают народную душу... Беречь самобытность, беречь “народную душу” и не навязывать ей чуждых настроений должно быть лозунгом работников на этой ниве» (Тизенгаузен 1909). Либеральная партия конституционных демократов («кадетов») в том же номере газеты «Речь» возражала: «Не лучше ли было бы, если бы г. Тизенгаузен откровенно заявил, что дело идет не о “народной душе”, а просто о защите карманных интересов предпринимателей!» То, что на деле опека оказывалась декларативной, а христианские и отеческие мотивы работодателя безосновательно идеализировались, оставалось за рамками обсуждения. Патерналистская концепция оправдывала себя в отдельных случаях, связанных с высоким уровнем личной сознательности промышленника, — например, на пред-

приятнях А. И. Коновалова или И. И. Паскевич. На поверку доводами охранителей легитимизировалась бесконтрольность злоупотреблений работодателя, нагнетался социальный конфликт, делался вклад в предстоящий кризис государства.

Если для предпринимателей консервативного крыла противодействие закреплению правовых гарантий рабочим было прежде всего вопросом выгоды, то для чиновничества действовал и фактор карьерного успеха. Образцовая картина отечественной жизни создавалась правящей верхушкой персонально для монарха и существовала в форме отчетов, докладов, записок, публикаций в лояльной прессе. В дальнейшем, по законам положительной обратной связи, эта имитация определяла представления власти о сфере труда. Продолжать распространять однажды сформированный образ становилось неизбежным для его авторов. Так изначальная фикция единения рабочих, предпринимателей и власти, эпизодичности рабочих выступлений, наличия узкой группы экстремистов-агитаторов, преданности трудящихся самодержавию и вере получала логическое продолжение в правовых актах, отчуждала верховную власть от реалий жизни.

Типичными аргументами правореакционного дискурса были апелляция к русским национальным особенностям, использование псевдопатриотической риторики, ссылки на особый уклад России, исключаящий социальный антагонизм. Предлагался восточно-цивилизационный взгляд на историю отечественной государственности как на духовное единение народа и монарха во имя общего благополучия. Промышленники и государственные деятели провозглашали, что «отеческое» отношение российского нанимателя к рабочим устраняет необходимость государственного правового вмешательства в сферу труда. Трудоправовые гарантии и их защита, по мысли охранителей, развращали нравственность.

Стилистика высказываний порой выходила за рамки рациональности: «Инспекция по их словам — признак недоверия, оскорбительного для их чести. Фабрика должна быть неприкосновенна, как всякое жилище, она — священный дом трудолюбия, а не “место беззакония”, “требующее внезапных следований”. Указывалось на необходимость полной “свободы труда”, восхвалялась гигиеничность фабричных помещений и огромная польза фабричного труда для физического и духовного развития малолетних» (Поссе 1906, 45).

Крайним воплощением консерватизма в области фабричного законодательства был неославянофильский подход, который «предполагал в будущем патриархальную гармонию между хозяином и работником. Однако путь к ней один из ярких неославянофилов С. Ф. Шарапов видел в запрете стачек и профсоюзов и законе, как единственном средстве регулирования отношений хозяина и работника» (Рязанов 2010, 18). Промышленность представала в этих воззрениях как средство разрушения национального хозяйства, источник вредных космополитических убеждений и негативного воздействия права на народную жизнь: «Русский национализм заключается в борьбе с городом, с городскими представлениями и интересами в области права, религии, искусства, философии» (Сыромятников 1901, 74).

Негативная оценка компромиссного фабричного законодательства основывалась на личных убеждениях российских монархов. Будучи во многом изолированными от социальной действительности и воспитанными в статично-идеализированной картине мира, правители считали рабочие выступления инспири-

рованными с целью подрыва государственности. Николай II давал следующую оценку расстрелу рабочей демонстрации 9 января 1905 г.: «Прискорбные события с печальными, но неизбежными последствиями смуты произошли от того, что вы дали себя вовлечь в заблуждение и обман изменниками и врагами нашей родины. <...> Стачки и мятежные сборища только возбуждают безработную толпу к таким беспорядкам, которые всегда заставляли и будут заставлять власти прибегать к военной силе, а это неизбежно вызывает и неповинные жертвы» (Речь императора Николая II... 1905).

Прогрессизм в осмыслении фабричного законодательства прежде всего означал отказ от представлений о нормальности сложившегося положения вещей. Отставались идеи разработки норм о труде на новых компромиссных началах, признания правосубъектности работника, существенного расширения прав трудящихся. Многие авторы прогрессистского толка обосновывали обновление рабочего законодательства как социального явления, вне проблем государственного строя (Литвинов-Фалинский 1904).

Активизация прогрессистской полемики по юридическим аспектам рабочего вопроса произошла в последней четверти XIX в. Заместитель министра финансов Н. Х. Бунге констатировал в 1880 г.: «Россия не имеет законов, регулирующих наемный труд, т. е. определяющих возраст малолетних, употребляемых в работы, продолжительность дневных и ночных занятий» (Погребинский 1960, 136). В записях, скомпилированных после его смерти в «Загробные заметки», Н. Х. Бунге писал: «Масса фабричного населения, исполняющая простой физический, а не технический труд, поставлена столь неудовлетворительно и в материальном, и в нравственном отношении, что учения социализма должны найти в ней очень легко своих последователей» (Бунге 1999, 191). В то же время наличие реакционных факторов не позволяло ему реализовать необходимые меры: «...мы не можем сделать много для рабочих: надо действовать осторожно, чтобы не раздражать заинтересованные и предубежденные круги. Но я убежден, что постепенно возможно изменить их положение к лучшему» (Янжул 1907, 28–29).

В конце XIX в. существовали научные работы, в которых предлагалась новая трудовая идеология: «Главная и общая цель всего законодательства — охрана обоюдных интересов работодателей и рабочих, недопущение чрезмерного увеличения прав тех и других» (Давидов 1896, 626). Известный химик Д. И. Менделеев утверждал о невозможности «длить прежний патриархальный образ хозяйственной деятельности» (Менделеев 1896, 13).

К началу XX в. идея несостоятельности прежнего фабричного законодательства получала все больше приверженцев, охватывая даже правые круги. По словам председателя Петербургского общества заводчиков и фабрикантов С. П. Глезмера, к концу XIX в. в стране сложились однозначные настроения «в пользу рабочих и против промышленников, в том числе в администрации и суде» (Стенографический отчет... 1907, 25). На страницах ориентированного на предпринимателей журнала «Промышленность и торговля» утверждалось: «Нам нужно рабочее законодательство. Оно важнее и вопроса о таможенной политике...» (1911, № 7, с. 303). Тезисы о законодательной защите рабочих внесла в свою программу парламентская партия конституционных демократов (кадетов): «Необходимо, чтобы государство также поддерживало и защищало интересы трудящихся. Необходимо

вмешательство государства в отношения между трудом и капиталом. Партия признает не только право, но и обязанность такого вмешательства» (Иорданский 1907). К критике действующего законодательства присоединялась даже известная своим правым уклоном газета «Московские ведомости»: «Еще недавно договоры по личному найму основывались у нас преимущественно на праве обычном и им лишь держались. Немногие статьи гражданских законов (т. X ст. 2.201–2.248), по своей неопределенности и неприложимости, слишком плохо ограждали эти договоры» (1871, № 262, с. 3).

Социалистическое направление стало третьей составляющей в общественном обсуждении фабричного законодательства Российской империи XIX–XX вв. В основе этого течения лежали тезисы основоположников. Рассматривая пути выхода из проблем рабочего вопроса, Ф.Энгельс в 1872 г. приходил к выводу: «Решение состоит только в уничтожении капиталистического способа производства, в присвоении всех жизненных средств и средств труда самим работником» (Энгельс 1961, 259). Социалистические объединения разного толка воплощали в области фабричного законодательства отказнические позиции: они заявляли о невозможности принятия должных норм о труде в условиях царизма. По их убеждениям, требовалось радикальное обновление законодательства о труде одновременно со сменой режима и основ хозяйства.

В 1911 г. в Государственной Думе депутат от социал-демократов И. П. Покровский заявлял: «Мы прямо горячие, убежденные и последовательные противники этих законопроектов и будем голосовать против них... в той надежде, что рабочий класс в самом ближайшем времени соберет свои силы и завоюет себе условия для свободной классово-борьбы, а тогда все вопросы социального законодательства могут быть, должны и будут поставлены на надлежащую здоровую почву» (Аврех 1991, 127).

На низовом уровне позиции движения находили выражение в агитационных материалах. Листовка партии «Народная воля» 1880 г. формулировала проблему с максимальной доходчивостью: «По какому праву хозяйничают эти проходимцы в русской земле, держат народ в нищете и невежестве? Кто дал им право законы издавать, налоги назначать, солдат набирать? И куда идут кровные трудовые денжки из царевой казны?» (Становление революционных традиций... 1987, 306). В революционной прокламации 1902 г. рабочим разъяснялось, что «действительная защита интересов рабочего класса несовместима с существованием царского произвола, невозможна без политической свободы» (Ушаков 2003, 45).

Социалистами вполне обоснованно критиковался механизм нормотворчества, исключавший участие в нем трудящихся (Полетаев 1911, 4).

Технико-юридическая полемика существовала параллельно с тремя направлениями политико-философского дискурса о рабочем законодательстве. Последняя не углублялась в умозрительные вопросы, но велась предметно, по вопросам закрепления или корректировки отдельных предписаний в сфере труда. Обсуждалось качество конкретных норм, трудности и последствия их реализации, анализировались возможности юридического преодоления тех или иных изъянов организации труда, предлагались законодательные новеллы. В сущности, этот сегмент общественной дискуссии представлял собой становление самостоятельной отрасли знания — науки трудового права.

В настоящей работе вряд ли возможно детально охарактеризовать практическую полемику юристов эпохи фабричного законодательства. Нарботки по конкретным недочетам законодательства о труде были подробно исследованы А. М. Лушниковым и М. В. Лушниковой (Лушников, Лушникова 2010). Среди наиболее значимых следует назвать сочинения фабричных инспекторов В. П. Литвинова-Фалинского, И. И. Янжула, С. Гвоздева, правоведов Л. С. Таля, А. Н. Быкова, Г. Балицкого, А. Федорова, врача А. В. Погожева.

Обсуждение о технической стороне нормативных актов о наемном труде вели не только юристы-практики и правоведы. В нем участвовали и предприниматели, чьи убеждения отнюдь не отличались корпоративной солидарностью. Так, в декабре 1906 г. при обсуждении законодательства о страховании рабочих горнопромышленники Юга и Урала, в отличие от заводчиков Центрального района, настаивали на скорейшем принятии норм об охране труда, которые упорядочили бы выплаты по несчастным случаям (Стенографический отчет... 1907, 131). По деталям закрепленных трудовправовых предписаний высказывалась и «системная оппозиция» — партия конституционных демократов. В партийном органе «Речь» П. Б. Струве подробно разбирал законопроекты 1906 г. «Об обеспечении нормального отдыха служащих в ремесленных мастерских» и «Об обеспечении нормального отдыха служащих в торговых заведениях, складах и конторах» (1906, 22 ноября, № 223). Социалисты на страницах собственной прессы также уделяли немало внимания критике норм о труде с позиций их практической реализации.

Представители консервативно-монархических кругов также не ограничивались общей критикой фабричного законодательства и подробно разбирали некоторые нормы о труде. Общей логикой было разъяснение вреда расширения прав трудящихся для самих трудящихся. Так, начальник Ижорских заводов в 1876 г. в письме управляющему Морским министерством рассматривал проект правил приема на работу малолетних. Им доказывалось, что сложность правил приведет к тому, что заводы будут избегать работников с «излишним» объемом правовых гарантий (Становление революционных традиций... 1987, 200). В газете «Русское обозрение» в 1893–1894 гг. содержательно разбирались законопроекты об ответственности нанимателей за увечья рабочих. Ивановский ткацкий фабрикант А. Ф. Морокин указывал как на явный изъян на обязанность работодателя нести ответственность за любой вред здоровью работника, а не только за увечье. Им разбирались технические препятствия реализации законопроекта, прогнозировался расцвет судебного сутяжничества в случае его принятия. Делался общий вывод о деструктивности нового закона для экономики, общества, морали (Морокин 1893, 424).

Значительное внимание обсуждению деталей фабрично-заводского законодательства уделяли «Московские ведомости». Так, в газете подробно обосновывалась необходимость принятия норм о рабочих книжках. Книжки должны были стать средством принуждения работника к исполнению обязательств по договору, а также гарантировали «возможность нанимателю удостовериться в свободе рабочего от всяких условий по найму и судить о степени его благонадежности» (1871, № 262, с. 3). Одобрялась новелла о праве работодателя подавать иск «против самовольно ушедшего рабочего в тот суд, в ведомстве которого он находился до самовольного ухода (а не в месте его постоянного жительства)». Напротив, «возложение на на-

нимателя обязанности доказать уплату жалования нанявшемуся в случае жалобы последнего» (1872, № 4, с. 14) признавалось необоснованным.

Подводя итог анализу общественного обсуждения фабрично-заводского законодательства в Российской империи XIX — начала XX в., можно сделать ряд выводов. Общей закономерностью исторического развития полемики о регламентации наемного труда было постепенное приобретение ею трех свойств: моральной легитимности, публичности, плюрализма. Первое означало укоренение в массовом сознании самой возможности обсуждать меры правительства в области труда. Такое отношение сложилось далеко не сразу и потребовало определенной зрелости отечественного общества. Под публичностью понимается укоренение практики гласного высказывания в противовес прежнему частному характеру таких суждений. Плюрализм предполагал разнонаправленность мнений, уход от лоялистского комплиментарного дискурса XVIII и первой половины XIX в. в пользу структурирования полемики. По содержанию дискуссия о юридизации трудовых отношений состояла из двух больших направлений: политико-философского и юридико-технического. Первое охватывало обсуждение концептуальных вопросов: меры необходимости фабричного законодательства, допустимость вмешательства государства в трудовое отношение, соотношения прав и интересов работника и работодателя. Внутри политико-философского дискурса выделялись консервативное, прогрессистское и социалистическое течения. Консерваторы отстаивали идею доминирования нанимателя над работником и отказа от равенства их интересов, прогрессисты развивали мысль об архаичности патриархальной модели и необходимости социально-компромиссного рабочего законодательства, социалисты постулировали невозможность сколько-нибудь приемлемого регулирования труда в условиях монархии и капитализма. Юридико-техническое направление содержало разбор конкретных норм права и проблем их реализации, критику пробелов, предложения по совершенствованию фабрично-заводского законодательства и образовывало, по сути, начала науки трудового права России.

Библиография

- Аврех, Арон Я. 1991. *П. А. Столыпин и судьбы реформ в России*. Москва: Политиздат.
- Балабанов, Михаил С. 1926. *Очерки по истории рабочего класса в России*. В 3 т. Ч. 1 (Крепостная Россия). 4-е изд., испр. и доп. Москва: Экон. жизнь.
- Безобразов, Владимир П. 1888. *Наблюдения и соображения В. П. Безобразова относительно действия новых фабричных узаконений и фабричной инспекции*. Санкт-Петербург: Тип. В. Безобразова и К°.
- Бунге, Николай Х. 1999. «Загробные заметки.» *Судьбы России: Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны: (вторая половина XX в.)*. Сост. Л. Е. Шепелев. Санкт-Петербург: Лики России.
- Веретенников, Порфирий А. 1841. «О фабричных мастеровых и их отношениях к семействам и фабрикантам.» *Москвитянин*. Ч. V, № 9. Москва: Тип. Н. Степанова.
- Давидов, Иван А. 1896. «Промышленное законодательство в России.» *Фабрично-заводская промышленность и торговля в России*. Санкт-Петербург: Тип. И. А. Ефрона: 278–315.
- Иорданский, Николай Н. 1907. «Рабочая программа и проекты рабочего законодательства к.-д. партии.» *Вестник Партии народной свободы*. 30 августа: 1538–1543.
- Литвинов-Фалинский, Владимир П. 1904. *Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России*. 2-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург: Тип. А. С. Суворина.

- Лушников, Андрей М., Лушникова, Марина В. 2010. *Российская школа трудового права и права социального обеспечения: портреты на фоне времени (сравнительно-правовое исследование): монография*. Ярославль: Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова.
- Менделеев, Дмитрий И. 1896. «Обзор фабрично-заводской промышленности и торговли России.» *Фабрично-заводская промышленность и торговля в России*. Санкт-Петербург: Тип. И. А. Ефрона.
- Мещерский, Владимир П. 1902. «Дневники.» *Гражданин* 29: 21 апреля.
- Морокин, Александр Ф. 1893. «Об ответственности хозяев за увечья рабочих.» *Русское обозрение* 5: 424–428.
- «Наш рабочий вопрос.» *Московские ведомости*. 28 февраля 1902.
- Погребинский, Александр П. 1960. «Финансовая политика царизма в 70–80-х годах XIX в.» *Исторический архив* 2: 130–144.
- Полетаев, Николай Г. 1911. «Важный вопрос.» *Звезда*. 23 октября: 4.
- Поссе, Владимир А. 1906. *История рабочего законодательства в России: очерк*. Санкт-Петербург: Тип. Монтвида.
- Пушкарева, Ирина М. 2005. «Рабочие — предприниматели — власть в 1905 г. (к постановке проблемы).» *Рабочие — предприниматели — власть в XX веке: в 2 ч. Ч. 1*. Отв. ред. А. М. Белов. Кострома: Костром. гос. ун-т им. Н. А. Некрасова: 15–33.
- «Речь императора Николая II к депутации рабочих, привезенной в Царское Село по инициативе генерал-губернатора Петербурга Д. Ф. Трепова, по поводу событий 9 января 1905 года.» *Ведомости СПб. Градоначальства*. 20 января 1905 г. № 16.
- Рязанов, Сергей М. 2010. *Рабочий вопрос в системе социально-экономических представлений российских консерваторов в конце XIX — начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук*. Ижевск.
- Становление революционных традиций питерского пролетариата. Пореформенный период. 1861–1883 гг.* 1987. Ленинград: Лениздат.
- Стенографический отчет Особого совещания при Министерстве торговли и промышленности под председательством министра торговли и промышленности италмейстера Д. А. Философова для обсуждения законопроектов по рабочему законодательству*. 1907. Санкт-Петербург.
- Сыромятников, Сергей Н. 1901. *Опыты русской мысли*. Кн. 1. Санкт-Петербург: Тип. А. С. Суворина.
- Тизенгаузен, Евгений Е. 1909. «Законы о государственном страховании и народная душа.» *Речь*. 9 апреля: 95.
- Успенский, Василий В. 1902. «Одна из нужд верующего рабочего люда.» *Гражданин* 17: 5 марта.
- Ушаков, Анатолий В. 2003. «Сто лет назад (Рабочее движение в Москве в 1902 г.).» *Предприниматели и рабочие России в условиях трансформации общества и государства в XX столетии: материалы междунар. науч. конф., посвящ. памяти проф. Ю. И. Кирьянова*. Под ред. А. М. Белова. Ч. 1: 45–51. Кострома: Костром. гос. ун-т им. Н. А. Некрасова.
- Энгельс, Фридрих. 1961. «К жилищному вопросу.» *К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения*. 2-е изд. Москва: Госполитиздат.
- Янжул, Иван И. 1907. *Из воспоминаний и переписки фабричного инспектора первого призыва: материалы для истории русского рабочего вопроса и фабричного законодательства*. Санкт-Петербург: Тип. Акционер. о-ва «Брокгауз — Ефрон».

Статья поступила в редакцию 15 сентября 2024 г.;
рекомендована к печати 23 сентября 2024 г.

Контактная информация:

Демидов Николай Вольтович — канд. юрид. наук, доц.; <https://orcid.org/0000-0002-6716-8591>,
fra_nickolas@list.ru

Public discussion of factory legislation of the Russian Empire

N. V. Demidov

Tomsk State University,
36, pr. Lenina, Tomsk, 634050, Russian Federation

For citation: Demidov, Nikolay V. 2025. "Public discussion of factory legislation of the Russian Empire." *Russian Journal of Labour & Law* 15: 8–19. <https://doi.org/10.21638/spbu32.2025.101> (In Russian)

In the 18th to early 20th centuries, the Russian Empire saw the formation and development of factory and plant (factory, labor) legislation, the prototype of modern labor law. An important legal and social factor influencing the rule-making process was the public understanding of this phenomenon. Its modern study allows us to form an idea of the perception of labor norms by their immediate addressees, to study the feedback in the mechanism of legal regulation of social relations. Methodologically, the formulation of the topic implements a sociological approach based on the history of labor law. The general sequence of the historical development of the controversy about the regulation of hired labor was its gradual acquisition of moral legitimacy, publicity, and pluralism. The first meant the admission in the mass consciousness of the very possibility of discussing government measures in the field of labor. Publicity is understood as the rooting of the practice of public expression. Pluralism implied a diversity of opinions, a departure from the loyalist complementary discourse of the 18th and first half of the 19th centuries in favor of structuring the controversy. In terms of content, the discussion of the legalization of labor relations consisted of two major areas: political-philosophical and legal-technical. The first covered the discussion of conceptual issues: the extent to which factory legislation was necessary, the admissibility of state intervention in labor relations, and the relationship between the rights and interests of the employee and employer. Within the political-philosophical discourse, conservative, progressive, and socialist currents were distinguished. Conservatives defended the idea of the employer's dominance over the employee and the rejection of equality of their interests, progressives developed the idea of the archaism of the patriarchal model and the need for socially compromise labor legislation, and socialists postulated the impossibility of any acceptable regulation of labor under monarchy and capitalism. The legal-technical direction contained an analysis of specific legal norms and problems of their implementation, criticism of gaps, proposals for improving factory legislation, and essentially formed the beginnings of the science of labor law in Russia.

Keywords: factory legislation, factory and plant legislation, history of labor law, sociology of labor law, Russian Empire, labor issue.

References

- Avrekh, Aron Ya. 1991. *P. A. Stolypin and the Fates of Reforms in Russia*. Moscow: Politizdat Publ. (In Russian)
- Balabanov, Mikhail S. 1926. *Essays on the History of the Working Class in Russia*. In 3 vols. Part 1 (Serf Russia). 4th ed., rev. and suppl. Moscow: Ekonomicheskaja zhizn' Publ. (In Russian)
- Bezobrazov, Vladimir P. 1888. *Observations and Considerations of V. P. Bezobrazov Regarding the Effects of New Factory Legislation and Factory Inspection*. St. Petersburg: Tipografia V. Bezobrazova i K^o Publ. (In Russian)
- Bunge, Nikolai H. 1999. "Notes from the Afterlife." *Sud'by Rossii: Doklady i zapiski gosudarstvennykh deiatelei imperatoram o problemakh ekonomicheskogo razvitiia strany (vtoraia polovina XX v.)*. Comp. by L. E. Shepelev. St. Petersburg: Liki Rossii Publ. (In Russian)
- Davidov, Ivan A. 1896. "Industrial legislation in Russia." *Fabrichno-zavodskaja promyshlennost' i trgovlia v Rossii*. St. Petersburg: Tipografia I. A. Efrona Publ.: 278–315. (In Russian)

- Engels, Friedrich. 1961. "On the Housing Question." *K. Marks i F. Engel's. Sochineniia*. 2nd ed. Moscow: Gospolitizdat Publ. (In Russian)
- Formation of revolutionary traditions of the St. Petersburg proletariat. Post-reform period. 1861–1883. 1987. Leningrad: Lenizdat Publ. (In Russian)
- Iordansky, Nikolai N. 1907. "Work program and projects of worker' legislation of the Constitutional-Democratic Party." *Vestnik Partii narodnoi svobody*. 30 avgusta: 1538–1543. (In Russian)
- Litvinov-Falinsky, Vladimir P. 1904. *Factory legislation and factory inspection in Russia*. 2nd ed., rev. and suppl. St. Petersburg: Tipografia A. S. Suvorina Publ. (In Russian)
- Lushnikov, Andrei M., Lushnikova, Marina V. 2010. *Russian School of Labor Law and Social Security Law: Portraits against the Background of Time (comparative legal study): monograph*. Yaroslavl: Yaroslavskii gosudarstvennyi universitet imeni P. G. Demidova Publ. (In Russian)
- Mendeleyev, Dmitry I. 1896. "Review of Factory and Plant Industry and Trade in Russia." *Fabrichno-zavodskaya promyshlennost' i torgovlia v Rossii*. St. Petersburg: Tipografia I. A. Efrona Publ. (In Russian)
- Meshchersky, Vladimir P. 1902. "Diaries." *Grazhdanin* 29: 21 aprelia. (In Russian)
- Morokin, Alexander F. 1893. "On the responsibility of owners for injuries to workers." *Russkoe obozrenie* 5: 424–428. (In Russian)
- "Our workers' question." *Moskovskie vedomosti*. February 28, 1902. (In Russian)
- Pogrebinsky, Alexander P. 1960. "Financial Policy of Tsarism in the 70–80s of the 19th century." *Istoricheskii arkhiv* 2: 130–144. (In Russian)
- Posse, Vladimir A. 1906. *History of Labor Legislation in Russia: essay*. St. Petersburg: Tipografia Montvida Publ. (In Russian)
- Pushkareva, Irina M. "Workers — entrepreneurs — power in 1905 (towards the formulation of the problem)." *Rabochie — predprinimateli — vlast' v XX veke*: in 2 parts. Part 1. Exec. ed. by A. M. Belov. Kostroma: Kostromskoi gosudarstvennyi universitet imeni N. A. Nekrasova Publ.: 15–33. (In Russian)
- Ryazanov, Sergey M. 2010. *The labor question in the system of socio-economic ideas of Russian conservatives in the late 19th — early 20th centuries*: PhD in History thesis abstract. Izhevsk. (In Russian)
- "Speech of Emperor Nicholas II to a deputation of workers brought to Tsarskoye Selo on the initiative of the Governor-General of St. Petersburg D. F. Trepov, regarding the events of January 9, 1905." *Vedomosti SPb. Gradonachal'stva*. 20 ianvaria 1905 g. no. 16. (In Russian)
- Syromyatnikov, Sergei N. 1901. *Essays on Russian Thought*. Book 1. St. Petersburg: Tipografia A. S. Suvorina Publ. (In Russian)
- Tiesenhausen, Evgeny E. 1909. "Laws on state insurance and the people's soul" *Rech'*. 9 aprelia: 95. (In Russian)
- Uspensky, Vasily V. 1902. "One of the needs of the believing working people." *Grazhdanin* 17: 5 marta. (In Russian)
- Ushakov, Anatoly V. 2003. "One Hundred Years Ago (The Labor Movement in Moscow in 1902)." *Predprinimateli i rabochie Rossii v usloviakh transformatsii obshchestva i gosudarstva v XX stoletii: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsi, posviashchennoi pamiati professoru Iu. I. Kir'ianova*. Ed. by A. M. Belov. Part 1: 45–51. Kostroma: Kostromskoi gosudarstvennyi universitet imeni N. A. Nekrasova Publ. (In Russian)
- Verbatim report of the Special Conference of the Ministry of Trade and Industry chaired by the Minister of Trade and Industry, Master of the Horse D. A. Filosofov, to discuss draft laws on labor legislation. 1907. St. Petersburg. (In Russian)
- Veretennikov, Porfiry A. 1841. "On factory workers and their relations to families and manufacturers." *Moskvitianin*. Part V, no. 9. Moscow: Tipografia N. Stepanova Publ. (In Russian)
- Yanzhul, Ivan I. 1907. *From the memoirs and correspondence of a factory inspector of the first call: Materials for the history of the Russian labor question and factory legislation*. St. Petersburg: Tipografia Aktsionernogo obshchestva "Brokgauz — Efron" Publ. (In Russian)

Received: September 15, 2024

Accepted: September 23, 2024

Author's information:

Nikolay V. Demidov — PhD in Law, Associate Professor; <https://orcid.org/0000-0002-6716-8591>, fra_nickolas@list.ru

Труд иностранцев в Российской империи в конце XIX — начале XX века

Ю. А. Лютаревич-Гефтер

Всероссийский государственный университет юстиции,
Российская Федерация, 117638, Москва, ул. Азовская, 2

Для цитирования: Лютаревич-Гефтер, Юлия А. 2024. «Труд иностранцев в Российской империи в конце XIX — начале XX века.» *Ежегодник трудового права* 15: 20–32.
<https://doi.org/10.21638/spbu32.2025.102>

Проблема привлечения в Россию квалифицированной рабочей силы до сих пор не решена, несмотря на усилия законодателя и научного сообщества. При этом наша страна обладает значительным историческим опытом использования труда иностранных мастеров. Анализ трудов правового статуса иностранцев в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. позволяет выявить, каким образом государство осуществляло допуск данной категории лиц к труду и насколько хорошо были защищены права самих работников. Положительный исторический опыт целесообразно использовать для совершенствования действующего законодательства в указанной сфере. Внимание к правовой базе конца XIX — начала XX в. обусловлено тем, что в связи с ростом промышленного производства в рассматриваемый период произошел также количественный и качественный рост законодательства, регулирующего труд наемных рабочих. По итогам проведенного исследования установлено, что в законодательстве было закреплено понятие «иностранец», они находились под защитой российских законов, пользовались теми же правами в сфере труда, что и российские подданные. В некоторых случаях законодательство Российской империи предоставляло иностранцам больше возможностей, чем современное, например в сфере занятия государственной службой. При этом порядок допуска иностранных граждан к трудовой деятельности носил разрешительный характер. Обосновано, что иностранное подданство следует признать одним из оснований дифференциации правового регулирования труда того времени.

Ключевые слова: иностранный гражданин, трудовая деятельность, трудовой договор, договор личного найма, разрешение на работу, история труда.

1. Введение

Со второй половины XIX столетия развивается фабричное производство, вследствие чего растет уровень травматизма (Zelnik 1971, 450). Появляется необходимость формирования качественно новой нормативно-правовой базы. В законодательстве Российской империи, регулирующем наемный труд, происходят значительные качественные изменения. Формируются своды законов, уставы и уложения по соответствующей проблематике. Возрастает количество научных трудов по вопросам содержания прав человека, закрепления их в законодательстве (Лазаревский 1917, 103). Стоит отметить, что трудовой вклад в развитие государства вносили не только российские подданные, но и иностранные. Иноземные специ-

алисты осуществляли различные виды трудовой и служебной деятельности. Вместе с тем порядок привлечения в нашу страну иностранцев, допуска их к работе, их трудовому статусу получили недостаточно осмысления в научной и иной специальной литературе. Важность изучения исторического опыта в настоящее время лишь возрастает, учитывая современные вызовы: необходимость обеспечения надлежащего контроля за трудящимися-мигрантами и привлечения квалифицированных иностранных кадров. В связи с изложенным настоящая статья посвящена исследованию правового статуса иностранцев и регулирования их труда в России на рубеже XIX–XX вв.

2. Основное исследование

2.1. Основы правового положения иностранцев в России в конце XIX — начале XX века

В ст. 817 Свода законов «О состояниях», принятом в 1899 г., впервые в истории российского права было закреплено понятие «иностранец», под которым понимались все подданные других государств, не вступившие в подданство Российской империи¹.

Примерно в это же время представители правовой науки классифицировали население на русских подданных, инородцев и иностранцев (Алексеев 1905, 236). Проводились различия между правовым статусом российского подданного и иностранного. В частности, отмечалось, что последний вправе находиться в пределах российского государства, лишь пока само государство это позволяет (Коркунов 1909, 262; Овсянников 1910, 104–105). Подход, согласно которому устанавливаются наличие юридической связи граждан со своим государством и отсутствие такой связи между данным государством и иностранными гражданами, сохраняется до сих пор. Например, РФ не выдает своих граждан, вместе с тем существует целый ряд оснований для выдворения иностранного гражданина из РФ².

Согласно ст. 82 Свода основных государственных законов 1892 г., «правами российских подданных иностранцы, в России пребывающие, пользуются с соблюдением ограничений, предусмотренных законом»³. Таким образом, можно сделать вывод, что на находящихся в Российской империи иностранцев распространялось российское законодательство и они пользовались общей защитой и покровительством российских законов, за исключением специально установленных ограничений, необходимых для защиты национальных интересов.

Статьи 72–79 Свода основных государственных законов 1892 г. распространяли свое действие как на российских подданных, так и на иностранных, поскольку в формулировках данных статей использовались термины «никто» и «каждый».

¹ Свод законов о состояниях. Раздел 6. О состоянии иностранцев // Свод законов Российской Империи. Т. 9. Ч. 1 СПб., 1899. С. 165.

² Например, ст. 31, 34, см.: Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Российская газета, № 140, 31.07.2002.

³ Свод основных государственных законов // Свод законов Российской империи. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1892. Ст. 72–79, 82.

Тем самым ряд основополагающих гарантий прав человека признавался и за иностранцами. В частности, гарантировались:

- возможность уголовного преследования, задержания и заключения под стражу только в порядке, установленном законом;
- возможность осуждения и наказания только за преступное деяние, предусмотренное действовавшим во время его совершения уголовным законом, если вновь принятый уголовный закон не исключил данное деяние из числа преступных;
- неприкосновенность жилища и собственности;
- право высказывать устно и письменно свои мысли в пределах, установленных законом.

Также иностранцам, проживающим в России, гарантировалась свобода вероисповедания и отправления культов, свойственных той или иной религии⁴.

Изложенное позволяет прийти к выводу, что действовавшее на рубеже XIX–XX вв. законодательство закрепляло основы правового статуса иностранцев и в значительной степени гарантировало права и свободы данной категории лиц. Российские ученые того времени также отмечали, что российское государство защищает личные и имущественные права иностранца наравне с правами своих подданных (Овсянников 1910, 105).

Однако действовавшими законами для иностранцев предусматривались и ограничения. Ограничения, распространявшиеся на иностранцев в конце XIX — начале XX в., как и в современном праве, касались преимущественно политических прав. Например, согласно ст. 9 Свода учреждений государственных⁵, в выборах в Государственную Думу не принимали участие в том числе и иностранцы. Аналогичное положение в настоящее время закреплено в ст. 12 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

Для проживания иностранцев на территории Российской империи ими должен был быть получен вид на жительство. Данный документ выдавался в соответствии с Уставом «О паспортах»⁶.

Ученые-правоведы конца XIX — начала XX столетия отмечали, что въезд в Россию свободен для всех иностранцев, за некоторыми исключениями. Так, посольства, миссии и консульства не выдавали паспортов для въезда в Россию иностранцам, 1) которым поименно запрещен въезд в Россию; 2) которых их собственные посольства считают неблагонадежными; 3) шарманщикам и вообще людям праздношатающим; 4) румынским евреям, у которых нет средств к существованию (Алексеев 1905, 279–280).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что возможность въезда в Россию для иностранца была преимущественно обусловлена его материальным положением, а также способностью осуществлять какую-либо общественно полезную деятельность. Иными словами, и более ста лет назад, и сейчас возможность пре-

⁴ Ст. 44–46 Свода основных государственных законов 1892 г.

⁵ Свод учреждений государственных // Свод законов Российской империи. Т. 1. СПб., 1907. С. 4.

⁶ Устав о паспортах. Отделение третье. О видах для иностранцев // Там же. Т. 14. СПб., 1903. С. 30–34.

бывания иностранца в России была неразрывно связана со способностью к самостоятельному содержанию себя и выполнению той или иной работы.

Обо всех вновь прибывших иностранцах губернаторы или градоначальники еженедельно сообщали в Министерство внутренних дел. Помимо этого, в соответствии со ст. 313 и 318 Закона «Об Общем учреждении губернском» 1892 г⁷, на губернаторов возлагалась обязанность наблюдать, чтобы иностранцы пользовались покровительством при осуществлении законной деятельности, но, с другой стороны, чтобы и сами соблюдали законы. В пограничных губерниях губернаторы и местные полицейские должны были также пресекать попытки «подозрительных иностранцев» перейти через границу.

Выдворение иностранцев, по каким-либо причинам лишившихся права на проживание в Российской империи, осуществлялось в порядке, установленном Уставом благочиния и безопасности⁸. Интересно отметить, что если иностранец самовольно возвращался в Россию после двукратного выдворения, то он мог быть поселен в специальной местности на территории Империи и, по истечении пяти лет проживания, мог ходатайствовать о получении российского подданства.

Анализ основ правового статуса иностранцев в России в конце XIX — начале XX в. позволил установить, что данная категория лиц пользовалась общей защитой российских законов, правами и обязанностями наравне с подданными Российской империи, если иное специально не было установлено законом. Предусмотренные в отношении иностранцев требования и ограничения вводились в целях обеспечения государственной безопасности и общественного порядка. При этом, хотя условия допуска иностранцев на территорию России не были прямо увязаны с осуществлением ими трудовой деятельности, системный анализ действовавших в указанный период нормативных правовых актов позволил прийти к выводу, что наша страна была нацелена на прием иностранцев, способных самостоятельно обеспечивать себя и членов своих семей. В связи с чем далее в настоящей статье будет проанализирован правовой статус иностранцев в сфере труда в рассматриваемый исторический период.

2.2. Трудовой статус иностранцев в России в конце XIX — начале XX века

Определение права на труд, который позволил бы обеспечить удовлетворение материальных потребностей самого работающего и членов его семьи, было сформулировано еще во второй половине XVIII в. (Миронов 2009, 14). Однако правовое закрепление права на труд в его современном понимании и выделение трудового права в самостоятельную отрасль произошло значительно позднее, лишь в XX в.

В конце XIX столетия трудовые отношения регулировались нормами гражданского законодательства. По точному замечанию отца-основателя российской трудово-правовой науки Л. С. Таля, «древнее право не могло отчетливо проводить грани-

⁷ Общее учреждение губернское. 1892. Продолжение 1906 г. // Там же. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1893. С. 13.

⁸ Устав благочиния и безопасности. Об удалении иностранцев из пределов России // Там же. Т. 14. Пг., 1916. С. 73–76.

цу между наймом вещей и работы, т. к. эта граница не проводилась в жизни» (Таль 1913, 84).

Для рассматриваемого периода времени характерно, что особенности осуществления трудовой деятельности, в том числе и иностранцами, в различных отраслях экономики регулировались отдельными актами. Вместе с тем стали появляться и первые кодифицированные источники, такие, например, как Устав «О промышленности фабричной и заводской»⁹. Таким образом, для исследования статуса иностранцев в сфере труда необходимо проанализировать нормы, которые содержатся в правилах по отдельным видам работ или услуг.

Для систематизации исследуемых норм, целесообразно вначале выделить общие положения, распространяющиеся на всех иностранцев, а затем рассмотреть особенности регулирования труда иностранцев в отдельных сферах деятельности.

Основными актами, регулировавшими трудовую статус иностранцев, являлись Свод законов «О состояниях», Свод законов гражданских¹⁰, Устав «О промышленности фабричной и заводской» и ряд других актов.

В отношении трудовых прав иностранцев Свод законов о состояниях ограничивался лишь установлением общих положений о том, что иностранцы могут вступать в любые договоры (ст. 833). Однако им воспрещалось поступать на военную и гражданскую службу, за исключением специально оговоренных законом случаев (ст. 824).

Свод законов гражданских содержал отдельную главу о договорах о личном найме, устанавливая тем самым общие нормы, регулирующие трудовую деятельность. В соответствии со ст. 2201 личный наем мог быть: для домашних услуг; для выполнения земледельческих, ремесленных, фабричных и заводских работ, торговых и прочих промыслов; и вообще для отправления всякого рода работ, не воспрещенных законами.

Согласно ст. 2202 Свода законов гражданских, несовершеннолетние не могли наниматься на работу без разрешения родителей или опекунов, жены — без разрешения мужей, за исключением женщин, имеющих отдельный вид на жительство. Статья 2203 Свода законов гражданских устанавливала, что дети не могут быть отданы в наем родителями, жены — мужьями без собственного их согласия, однако родителям не воспрещалось отдавать детей в обучение на определенный срок. По общему правилу минимальный возраст приема на работу составлял 12 лет.

Согласно ст. 2204 Свода законов гражданских, запрещалось нанимать и держать в услужении и работе людей, не имеющих узаконенных видов (своеобразных разрешений на проживание. — Ю. Л.-Г.), когда таковые требуются по закону.

Кроме того, предусматривался срочный характер договора личного найма, не более пяти лет (ст. 2214 Свода законов гражданских). В соответствии со ст. 2216 Свода законов гражданских, если нанимающийся отпущен по паспорту или иному узаконенному виду на жительство, то срок найма не мог простирается долее срока, определенного паспортом или видом.

⁹ Устав «О промышленности фабричной и заводской». Продолжение 1906 г. // Там же. Т. 11. Ч. 2. СПб., 1906.

¹⁰ Свод законов гражданских. Об обязательствах личных по договорам в особенности // Там же. Т. 10. Ч. 1. Пг, 1914. Ст. 2201–2248.

Таким образом, если иностранцу разрешалось проживать в России определенный период времени, то договор личного найма мог заключаться им только на этот срок. Интересно отметить, что, согласно ч. 5 ст. 327.1 Трудового кодекса РФ, срочный трудовой договор с работником, являющимся иностранным гражданином или лицом без гражданства, заключается только по общим основаниям, перечисленным в ст. 59 Трудового кодекса РФ¹¹. Таким образом, срочный характер нахождения на территории нашей страны сам по себе не служит основанием для установления срочного характера трудовых отношений с иностранным работником. Представляется, что указанная норма нацелена на защиту иностранных работников от необоснованного заключения трудовых договоров на определенный срок и, как следствие, прекращения этих договоров через непродолжительное время. Очевидно, что при наличии правовой возможности работодатель пользовался бы ею, получая дополнительное и весьма удобное основание прекращения трудовых отношений. В этой связи законодательное требование создает условия для согласования интересов сторон отношений в сфере наемного труда. При этом наемный труд выступает ключевой сферой жизни общества (Куренной 2024, 207).

Согласно ст. 2218 Свода законов гражданских, при заключении договора найма договаривающиеся стороны обязаны были определить цену оного. Цена также называлась рядом, а условие о цене — рядной платой. Вместе с тем ст. 2219 Свода законов гражданских предусматривала, что лица, нанимающиеся для управления делами купцов или фабрикантов, вместо рядной платы могли получать процент от порученной им суммы или от части принесенной хозяину прибыли. Ст. 2222 Свода законов гражданских устанавливала запрет на выплату заработной платы работников в определенных формах. Так, винокурным заводчикам воспрещалось платить работникам вместо денег выкуриваемым на их заводах вином или водкой. Ограничения на выплату заработной платы в неденежной форме закреплены в настоящее время в ч. 2, 3 ст. 131 Трудового кодекса РФ.

В соответствии со ст. 2229 Свода законов гражданских хозяин с нанявшимся должен обходиться справедливо и кротко, требовать только работы, условленной по договору, или той, для которой наем учинен, платить точно и содержать исправно. Нанявшийся, в свою очередь, в силу ст. 2230 Свода законов гражданских должен был быть верным, послушным и почтительным к хозяину и его семье и стараться добрыми поступками и поведением сохранить домашнюю тишину и согласие. Кроме того, в соответствии со ст. 2232 Свода законов гражданских нанявшемуся воспрещалось без ведома хозяина брать или отправлять чужую работу. Современное правовое регулирование позволяет работнику свободно заключать трудовые договоры о работе по совместительству, если иное не установлено федеральным законом (ч. 2 ст. 282 Трудового кодекса РФ).

Таким образом, Свод законов гражданских закреплял основные требования к содержанию и условиям заключения договора личного найма. Кроме того, прослеживается историческая преемственность некоторых правовых норм, нацеленных на защиту работников как более уязвимой стороны договора. В целом Свод законов гражданских не содержал норм, специально регулирующих труд иностранцев. А значит, на указанную категорию нанимавшихся распространялись общие

¹¹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Российская газета, № 256, 31.12.2001.

правила, определенные указанным нормативным правовым актом. Для рассматриваемого периода времени характерно индивидуально-правовое регулирование в сфере труда. Коллективно-договорное регулирование получило развитие при советской власти (Скачкова 2024, 43).

Возможность замещения иностранцами должностей гражданской службы регулировалась Сводом уставов «О службе гражданской». В соответствии со ст. 6 Устава о службе по определению от Правительства Свода уставов «О службе гражданской»¹² (далее также — Устав) устанавливался запрет на прием иностранцев на гражданскую службу¹³, за исключением некоторых категорий лиц, в первую очередь лиц дворянского сословия. Также, согласно ст. 7 Устава, иностранцы могли замещать должности гражданской службы, если приобретали право на классный чин по месту обучения.

Статьей 44 Устава устанавливался исчерпывающий перечень должностей, которые могли замещаться иностранцами, к таким должностям относили:

- 1) должности по медицинской и фармацевтической части;
- 2) помощников инспекторов университетских студентов;
- 3) помощников директоров, смотрителей, лаборантов и др. Императорской академии наук;
- 4) хранителей музеев, смотрителей институтов (кроме Новороссийского и Санкт-Петербургского);
- 5) преподавателей училищ;
- 6) надзирателей за воспитанниками;
- 7) механика в Юрьевском университете, наблюдателей и механика в Тифлисской физической обсерватории, старших астрономов;
- 8) библиотекаря Императорской публичной библиотеки;
- 9) членов Попечительского совета Приюта принца Петра Георгиевича Ольденбургского;
- 10) телеграфистов, механиков и надсмотрщиков телеграфного ведомства.

При назначении на указанные должности иностранцы должны были принести присягу на верность службе.

Иностранцы пользовались всеми служебными преимуществами соответственно их должности, но в чин не производились. Исключение составляли кондукторы и канцелярские служители ведомства путей сообщения, которые производились в первый чин после 12 лет службы. Аналогичные правила предусматривались и мнением Государственного совета «О приеме по горной и соляной части в Государственную службу людей разных званий по общему положению»¹⁴, в соответствии с которым регулирование труда иностранцев осуществлялось по тем же правилам, что и в отношении подданных империи, но присвоение им чина

¹² Устав «О службе по определению от Правительства. Устав о службе гражданской» // Свод законов Российской империи. Т. 3. СПб., 1896. С. 11, 19.

¹³ Государственную гражданскую службу в современном понимании. — Ю. Л. -Г.

¹⁴ Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 28.11.1834 «О приеме по горной и соляной части в Государственную службу людей разных званий по общему положению» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 9. Отделение второе. СПб., 1835. № 7588; Высочайше утвержденное положение от 25.06.1834 «О порядке производства в чины по Гражданской службе» // Там же. Отделение первое. 1834. СПб., 1835. № 7224.

осуществлялось только по усмотрению Главного управляющего Корпусом горных инженеров, не ранее чем по истечении 12 лет службы.

Также п. 5 ст. 753 Устава о службе по определению от Правительства Свода уставов «О службе гражданской» устанавливал, что 10 % вычета в пользу инвалидов не касались всех видов жалования, даруемого иностранцам. Таким образом, подданные Российской империи должны были платить 10 % от своего жалования в пользу инвалидов, а иностранцы от такой обязанности были освобождены, что в конечном счете увеличивало размер их доходов по сравнению с российскими подданными.

Лишь к концу XIX в. в России был принят Устав «О промышленности фабричной и заводской», комплексно регулировавший труд заводских и иных промышленных рабочих. Следует отметить, что Устав «О промышленности фабричной и заводской» стал предтечей принятого в 1913 г. Устава о промышленном труде¹⁵, который в свою очередь «можно с полным основанием рассматривать как первый шаг на пути превращения трудового права в самостоятельную отрасль, имеющую собственный систематизированный источник правового регулирования, специфический и отличный от других отраслей юридический инструментарий» (Киселев, Лушников 2008, 30).

Данное утверждение абсолютно обоснованно. Хотя принятый ранее Свод законов гражданских и регулировал договоры о личном найме, именно принятие Устава «О промышленности фабричной и заводской»¹⁶, а затем и Устава «О промышленном труде» позволило выделить отношения по регулированию труда наемных рабочих в самостоятельную группу отношений.

Устав «О промышленности фабричной и заводской» устанавливал общие правила регулирования труда заводских и фабричных рабочих. Иностранцы могли наниматься на такие работы наравне с подданными Российской империи.

Согласно Уставу «О промышленности фабричной и заводской», иностранцы могли записываться в цеха с разрешения казенных палат, и в этом случае они пользовались всеми правами цеховых. Указанное положение можно рассматривать как аналог современного регулирования, обязывающего иностранных граждан получать разрешение на работу.

В соответствии со ст. 110 Устава малолетние до 15 лет не могли быть заняты работою между 9 часами вечера и 5 часами утра, а также в воскресные и праздничные дни. Согласно ст. 134 Устава, каждому рабочему не позднее 5 дней со дня допущения к работе на фабрике должна была быть выдана расчетная книжка, утвержденного Губернским или Областным по фабричным и горнозаводским делам Присутствием образца.

Статья 142 Устава определяла, что правила внутреннего распорядка на фабриках утверждались Фабричной инспекцией. Правила внутреннего распорядка включали расписание работы отдельно для взрослых и для малолетних до 17 лет; время начала и окончания работы, перерыв; условия пользования квартирами, банями и т. д.; порядок отлучек с работы; обязанности работника по соблюдению правил на фабрике; требования предосторожности при обращении с огнем, машинами и т. д.

В соответствии со ст. 156.2 Устава рабочим временем или числом рабочих часов в сутки для каждого рабочего считалось время, в течение которого, согласно

¹⁵ Устав о промышленном труде // Свод законов Российской империи. Т. 11. СПб., 1913.

¹⁶ Устав «О промышленности фабричной и заводской» // Там же. Т. 11. Ч. 2. СПб., 1906. Ст. 377.

договору найма, рабочий обязан находиться в промышленном заведении для исполнения работы.

Статья 156.4 Устава устанавливала продолжительность рабочего времени: так, для рабочих, занятых исключительно в дневное время, продолжительность рабочего времени не может превышать 11,5 часов в сутки, а по субботам и в конце праздников — 10 часов. Статья 156.5 Устава предусматривала, что если работа хотя бы отчасти выполняется в ночное время, то продолжительность работы не могла превышать 10 часов в сутки.

Согласно ст. 156.6 Устава, в расписание праздничных дней, в которые не допускаются работы сверх указанных дней, следует включить три праздничных дня: 2 февраля, 14 сентября, 21 ноября, чтобы эти три дня по ходатайству рабочих можно было заменять иными праздничными днями, особо чтимыми в известной местности.

Также для рабочих неславянских вероисповеданий разрешалось не вносить в расписание праздничных дней те праздничные дни, которые не чтутся их церковью. В праздничные дни в Российской империи включались: 1, 6 января, 25 марта, 6, 15 августа, 8 сентября, 25, 26 декабря, пятница и суббота Страстной недели, день Вознесения Господня и второй день Сошествия Святого Духа. Разрешалось вносить в расписание праздников другие дни недели вместо воскресных сообразно религии рабочих неславянского вероисповедания.

Данная норма имела особенное значение именно для иностранцев, ведь среди данной категории лиц «рабочие неславянских вероисповеданий» встречались наиболее часто. Также следует отметить, что это была единственная норма, устанавливающая возможность применения каких-либо иных правил в отношении иностранцев по сравнению с российскими подданными.

Таким образом, уже в дореволюционной России было сформировано достаточно развитое законодательство, регулировавшее вопросы дисциплины труда, рабочего времени и времени отдыха. На иностранцев распространялись общие правила о труде заводских и фабричных рабочих. Вместе с тем, в соответствии со ст. 87 Устава «О промышленности фабричной и заводской», заводское или фабричное управление обязано было требовать от рабочих предъявления вида на жительство, с соблюдением правил, изложенных в Уставе «О паспортах». Значит, иностранцу необходимо было до трудоустройства зарегистрироваться на территории Российской империи. Вид на жительство выдавался иностранцу сроком на один год, следовательно и договор личного найма должен был заключаться на тот же срок, поскольку по общему правилу не допускалось заключение договора иностранцем на срок более длительный, чем ему разрешено проживание в России. Уставом «О промышленности фабричной и заводской» на иностранцев налагалось еще одно ограничение. Так, в соответствии со ст. 278.6 Устава собственниками, директорами и содержателями заводов, изготавливающих взрывчатые вещества, могли быть только русские подданные.

Принимались и иные акты, регулирующие отдельные виды деятельности иностранцев в Российской империи. Положением «О домашних наставниках и учителях»¹⁷ регулировался труд иностранцев в качестве домашних преподава-

¹⁷ Высочайше утвержденное положение Комитета министров от 01.07.1834 «О домашних наставниках и учителях» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 9. Отделение первое. 1834. СПб., 1835. Ст. 7240.

телей. Данное Положение закрепляло право иностранцев занимать должности наставников, учителей и учительниц. В соответствии с п. 17 ст. 7240 рассматриваемого Положения иностранцы при приеме на работу должны предоставить документы о христианском вероисповедании, а также «одобрительное свидетельство» от российской миссии или консульства в государстве своего подданства. Желательно было наличие рекомендации от иностранцев, уже давно живущих в России. Кроме того, иностранец должен был сдать экзамен по предмету, который он собирался преподавать. В соответствии с п. 66 рассматриваемого Положения, если иностранец начнет преподавать, не сдав экзамена, то и он, и нанявшая его семья подлежали штрафу. При повторном занятии наставничеством без сдачи экзамена иностранец подлежал административному выдворению в порядке, установленном Уставом благочиния и безопасности. Интересно отметить, что в Российской империи имела достаточно развитая система образования (Хохлов 2024, 8).

Отдельные правила существовали и для найма иностранцев землевладельцами. Так, в 1861 г. было принято Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О правилах для найма землевладельцами иностранных рабочих и водворения сих иностранцев в России»¹⁸. В соответствии с данным актом землевладельцы всех губерний имели право нанимать иностранных рабочих на общих основаниях наравне с российскими подданными. Представляется, что данный акт в некоторой степени противоречил принятому в 1903 г. Уставу «О паспортах»¹⁹, согласно которому иностранцам, не являвшимся азиатами, разрешалось поселяться в Западной Сибири только с разрешения, испрашиваемого в особом порядке, устанавливаемом Министерством внутренних дел.

Для работы на землевладельцев иностранным рабочим выдавался вид на жительство на срок до 12 лет. Следовательно, в данном случае речь шла фактически о поселении иностранца на соответствующей территории. Таким образом, речь уже не могла идти о свободном найме землевладельцами в Западной Сибири иностранцев не азиатского происхождения. Для этого иностранцам требовалось получить своеобразное разрешение на проживание на соответствующей территории.

Правилами для найма землевладельцами иностранных рабочих также достаточно подробно оговаривалась процедура трудоустройства иностранцев. Так, землевладельцы имели право вступать в соглашение с иностранцами, еще находящимися за границей, без посредничества Правительства, однако иностранец должен был предварительно получить удостоверение российской миссии за рубежом, что препятствий для его въезда в Россию нет. Кроме того, что в договорах между иностранцами и землевладельцами должны были указываться не только трудовые права и обязанности, обязательным также являлось указание о том, за чей счет будет произведено переселение иностранца и на кого возлагаются путевые издержки. Представляется, что данная норма является весьма современной даже для нашего

¹⁸ Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 18.12.1861 «О правилах для найма землевладельцами иностранных рабочих и водворения сих иностранцев в России» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 36. Отделение второе. СПб., 1866. Ст. 37760.

¹⁹ Устав «О паспортах» // Свод законов Российской империи. Т. 14. СПб., 1903. Ст. 309.

времени, поскольку по существующим в настоящее время международным стандартам трудовой договор должен заключаться с иностранным работником еще до его приезда в страну осуществления трудовой деятельности.

3. Выводы

На основании проведенного в статье исследования можно сделать вывод, что лишь в конце XIX — начале XX в. в России появилось легальное определение понятия «иностранец» и было закреплено, что на данную категорию лиц распространяются российские законы, если самими законами не предусмотрено иное. Указанное касалось и трудово-правовой сферы. Несмотря на отсутствие самостоятельной отрасли трудового права, несколько законодательных актов регулировали наемный труд в России, в некоторых случаях закрепляя его особенности для иностранных рабочих.

Порядок допуска иностранцев к труду носил разрешительный характер. При этом разрешение выдавалось на осуществление конкретного вида деятельности, а не на возможность трудиться на территории Российской империи в целом. Также можно сделать вывод, что одним из оснований дифференциации правового регулирования труда являлось наличие у работника иностранного гражданства (подданства). При этом особое внимание уделялось привлечению квалифицированных иностранных специалистов. Последнее свидетельствует о схожести задач современной миграционной политики с теми, которые ставило перед собой российское государство более века назад.

Библиография

- Алексеев, Александр С. 1905. *Русское государственное право. Пособие к лекциям*. Москва: Типолит. Г. И. Простакова.
- Киселев, Игорь Я., и Андрей М. Лушников. 2008. *Трудовое право России и зарубежных стран. Международные нормы труда: учебник*. Москва: Эксмо.
- Коркунов, Николай М. 1909. *«Русское государственное право. Издание седьмое»*.: Санкт-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича.
- Куренной, Александр М. 2024. «Согласование интересов сторон трудовых отношений и государства на рынке труда.» *Ежегодник трудового права* 14: 206–218.
- Лазаревский, Николай И. 1917. *Русское государственное право. Том 1. Конституционное право. Выпуск 1. Издание четвертое*. Петроград: скл. изд.: кн. маг. «Право».
- Миронов, Владимир И. 2009. *Трудовое право: учебник для вузов (+CD)*. Москва [и др.]: Питер.
- Овсянников, Василий В. 1910. *Учебник законоведения. Курс 8-го кл. гимназий*. Одесса: [б. и.].
- Скачкова, Галина С. 2024. «Роль работодателя в подготовке квалифицированных кадров на основе отраслевых (межотраслевых) соглашений.» *Ежегодник трудового права* 14: 41–62.
- Таль, Лев С. 1913. *Трудовой договор: Цивилистическое исследование*. Ярославль: Тип. Губернского правления.
- Хохлов, Евгений Б. 2024. «О правовом статусе преподавателей университетов Российской империи.» *Ежегодник трудового права* 14: 7–27.
- Zelnik, Reginald E. 1971. *Labor and society in tsarist Russia. The factory workers of St. Peterburg 1855–1870*. California: Stanford University Press.

Статья поступила в редакцию 21 мая 2024 г.;
рекомендована к печати 24 июля 2024 г.

Контактная информация:

Лютаревич-Гефтер Юлия Александровна — канд. юрид. наук, доц.; gefter.84@list.ru

The work of foreigners in the Russian Empire in the late 19th — early 20th century

Yu. A. Lyutarevich-Gefter

All-Russian State University of Justice,
2, ul. Azovskaya, Moscow, 117638, Russian Federation

For citation: Lyutarevich-Gefter, Yuliya A. 2024. “The work of foreigners in the Russian Empire in the late 19th — early 20th century.” *Russian Journal of Labour & Law* 15: 20–32. <https://doi.org/10.21638/spbu32.2025.102> (In Russian)

The problem of attracting qualified labor to Russia has still not been resolved, despite the efforts of the legislator and the scientific community. At the same time, our country has significant historical experience in using the labor of foreign craftsmen. An analysis of the labor legal status of foreigners in the Russian Empire at the turn of the 19th–20th centuries makes it possible to identify how the state allowed this category of people to work and how well the rights of the workers themselves were protected. It is advisable to use positive historical experience to improve current legislation in this area. Attention to the legal framework of the late 19th — early 20th centuries is due to the fact that in connection with the growth of industrial production in the period under review, there was also a quantitative and qualitative increase in legislation regulating the labor of hired workers. Based on the results of the study, it was established that the concept of “foreigner” was enshrined in legislation; they were protected by Russian laws and enjoyed the same labor rights as Russian citizens. In some cases, the legislation of the Russian Empire provided foreigners with more opportunities than modern ones, for example, in the field of public service. The procedure for admitting foreigners to work was of a permissive nature. It is substantiated that foreign citizenship should be recognized as one of the grounds for differentiation of the legal regulation of labor of that time.

Keywords: foreign citizen, labor activity, employment contract, personal employment contract, work permit, labor history.

References

- Alekseev, Alexander S. 1905. *Russian state law. A manual for lectures*. Moscow: Tipolitografiya G. I. Prostakova Publ. (In Russian)
- Korkunov, Nikolai M. 1909. *Russian state law. Seventh edition*. St. Petersburg: Tipografiya M. M. Stasiulevicha Publ. (In Russian)
- Kiselev, Igor Y., and Andrey M. Lushnikov. 2008. *Labor law of Russia and foreign countries. International labor standards: textbook*. Moscow: Eksmo Publ. (In Russian)
- Kurennoy, Alexander M. 2024. “Coordination of interests of the parties to labor relations and the state in the labor market.” *Russian Journal of Labour & Law* 14: 206–218. (In Russian)
- Lazarevsky, Nikolai I. 1917. *Russian state law. Volume 1. Constitutional law. Issue 1. Fourth edition*. Petrograd: Sklad izdaniia: knizhnyi magazin “Pravo” Publ. (In Russian)
- Mironov, Vladimir I. 2009. *Labor Law: textbook for Universities (+CD)*. Moscow [et al.]: Piter Publ. (In Russian)
- Ovsyannikov, Vasily V. 1910. *Textbook of Law. 8th grade course gymnasiums*. Odessa: [s. n.]. (In Russian)
- Skachkova, Galina S. 2024. “The role of the employer in training qualified personnel on the basis of industry (inter-industry) agreements.” *Russian Journal of Labour & Law* 14: 41–62. (In Russian)

- Tal, Lev S. 1913. *The Labor Contract: A Civilistic Study*. Yaroslavl: Tipografia Gubernskogo pravleniia Publ. (In Russian)
- Khokhlov, Evgeny B. 2024. "On the legal status of university teachers in the Russian Empire." *Russian Journal of Labour & Law* 14: 7–27. (In Russian)
- Zelnik, Reginald E. 1971. *Labor and society in tsarist Russia. The factory workers of St. Peterburg 1855–1870*. California: Stanford University Press.

Received: May 21, 2024
Accepted: July 24, 2024

Author's information:

Yuliya A. Lyutarevich-Gefter — PhD in Law, Associate Professor; gefter.84@list.ru